

УДК 821.111-31-053.2
ББК 84(4Вел)-44
Т52

J. R. R. Tolkien
THE HOBBIT,
Or THERE and BACK AGAIN

Пересказ *Леонида Яхнина*
Рисунки *Ольги Ионайтис*

Originally published in the English language by HarperCollins Publishers Ltd.
Печатается с разрешения издательства HarperCollins Publishers Limited
и литературного агентства Andrew Nurnberg

Толкин, Джон Рональд Руэл.

Т52 Хоббит, или Туда и обратно : [повесть-сказка] / Джон Рональд Руэл Толкин. – Москва : Издательство АСТ, 2025. – 208 с.

ISBN 978-5-17-090351-1

Жил-был на свете хоббит Бильбо. Если вы вдруг не знаете, то знайте: хоббиты – это такие маленькие существа, ростом с гномов, но не гномы. Бороды у них не растут, золото они не добывают и волшебством не занимаются. Зато умеют неслышно ходить и скрываться в мгновение ока, если нужно. А больше всего на свете любят обустроить свои уютные норки, плотно обедать и вообще вести размеренную и спокойную жизнь.

...И вот как-то утром Бильбо собирался пить чай, когда к нему без приглашения явились тринадцать гномов и волшебник Гэндальф. Пришлось нашему хоббиту забыть о своей милой норке и отправиться с ними в большой поход. Сколько всего пришлось им повидать! Тролли и дракон, эльфы и люди из Озерного города, погони, сражения, поиск сокровищ и многое-многое другое... К чему все привело и чем закончилось – вы узнаете, прочитав эту замечательную и добрую книгу.

УДК 821.111-31-053.2
ББК 84(4Вел)-44

ISBN 978-5-17-090351-1

© The J. R. R. Tolkien, Copyright Trust, 1937,
1951, 1966, 1978, 1995, 1997
© Л. Яхнин, пересказ
© О. Ионайтис, иллюстрации
© ООО «Издательство АСТ», оформление. 2025

Джон Р. Р. Толкин

Хоббит, или туда и обратно

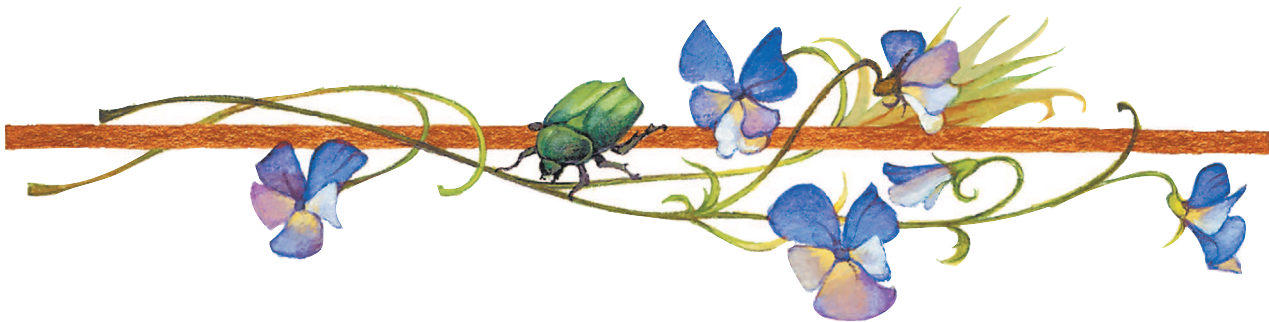
Повесть-сказка

Пересказ Леонида Яхнина

Рисунки Ольги Ионайтис

АСТ
Москва

Глава первая

ЗДРАВСТВУЙТЕ, НЕ ЖДАЛИ!

Хоббит жил себе поживал в норе под землей. Только не подумайте, что это была затхлая, сырая и грязная дыра со скользкими стенками, источенными вдоль и поперек дождевыми червями. Впрочем, не похожа она и на те норы, где, может быть, и сухо, и чисто, зато негде присесть и нечего поесть. Хоббичья нора – особенная. Жить в ней удобно и приятно.

Вход в нору начинался с круглой, наподобие корабельного иллюминатора, зеленой дверцы. Стоило повернуть медную, начищенную до блеска ручку, слегка толкнуть дверцу, и вы оказывались в коридоре, напоминающем туннель. Но не тот дымный, наполненный горькой гарью паровозный туннель, а чистенький и уютный. Стены аккуратно обшиты гладкими досками, кафельный пол устлан коврами, и повсюду расставлены удобные скамеечки. А уж крючков для шляп да котелков, вешалок и гвоздиков для всяческих вещей – шуб и плащей – видимо-невидимо. Ведь хоббит славился гостеприимством. А коридор тянулся все дальше и глубже, но не вгрызлся в холм, который все в округе так попросту и называли – Холм. Вдоль всего коридора поочередно на той и другой стороне виднелось множество крохотных круглых дверец. Шлепать вверх-вниз по лестницам хоббит не любил, а потому спальни, ванны, погреба, кладовки и кладовочки, всевозможные буфетные и гардеробные, кухни, столовые – все залы, зальцы и комнаты устроены были на одном и том же этаже по обе стороны коридора. По левую руку располагались лучшие комнаты: только в них и были проделаны круглые, углубленные в стену окошки, из которых открывался вид на ближний сад и дальние луга, спускавшиеся к реке.

Хоббит, о котором мы толкуем, был крепким, зажиточным хозяином. А звали его Бэггинс. С незапамятных времен обитали Бэггинсы в окрестностях Холма, и род их считался весьма почтенным. Не богатством снискали они уважение соседей, а тем, что жили пристойно и спокойно, ничего с ними не приключалось, да и сами они ни в какие приключения не пускались. Никого Бэггинсы не удивляли, и никто этому не удивлялся. Тем интереснее история, приключившаяся с нашим Бэггинсом. Он вдруг стал вытворять такое, чего от него и ожидать не могли. Впрочем, уважения не потерял, а, наоборот, приобрел...

Но давайте не будем спешить и забегать вперед, заглядывать в конец книги. Начнем, как водится, с начала.

Итак, матушка хоббита... Стоп! Полагаю, нам следует объясниться и объяснить: кто же такие эти хоббиты? В наше время это мало кто знает, ибо хоббиты нынче встречаются редко и к тому же избегают встреч с Большеногими, как они называют нас, людей. Хоббиты – народец совсем невысокий. Они даже пониже гномов, а человеку и вовсе по пояс. В отличие от

гномов они совершенно безбородые. Да и волшебства в них ни на волос, если, конечно, не считать волшебным умение исчезнуть быстро и бесшумно, едва услышав слоновий топот Большеногих. Шумных и неуклюжих недотеп вроде нас с вами хоббиты чувствуют за милую душу. И все же при всей их прыткости хоббиты несколько толстоваты и склонны отращивать брюшко. Одежду они любят яркую, предпочитая зеленые и желтые цвета. Зато башмаков не носят вообще, потому что уже от рождения ступни у них вроде крепкой кожаной подошвы. Ноги у хоббитов мохнатые, сплошь покрытые коричневой шерсткой, а на голове шапка густых кучерявых волос. Хоббиты – добродушные парни с тонкими ловкими пальцами и улыбочивыми физиономиями. Смех у хоббитов переливчатый и гортанный. Особенно весело и заразительно смеются они после обеда, а уж обедать хоббиты горазды: могут и два раза в день, если, конечно, выпадет такая удача.

Вот вы и узнали немного о хоббитах. Теперь можно дальше рассказывать. Мы, как помните, толковали о хоббите, полное имя которого, кстати, Бильбо Бэггинс, и о его матушке. А была она, между прочим, знаменитой Белладонной Тук, одной из трех дочерей Старого Тука, главы Заречных хоббитов, то есть живших За Рекой. Впрочем, Река – это громко сказано. Скорее речушка, маленькая речка, лопочущая у подножия Холма. Ходили среди хоббитов слухи, будто прапрапрадед Тука был женат на фее. Выдумки, конечно, но что-то не совсем хоббичье все же в Туках замечали. Вдруг ни с того ни с сего кто-нибудь из туковского рода-племени пускался на поиски приключений. Этот позор старались поскорее забыть и скрыть от соседей. Чего скрывать, уважения семейству Туков это не добавляло. А род Бэггинсов, хоть и не столь богатый, всегда считался почтеннее и основательнее.

Белладонна Тук, спешу вас уверить, и не помышляла о каких-то приключениях, тем более после того, как вышла замуж за Банго Бэггинса и превратилась в благопристойную миссис Бэггинс. Банго, отец Бильбо, выстроил для нее роскошную хоббичью нору, какой не видывали ни Под Холмом, ни За Холмом, ни тем более За Рекой. В этой норе они и прожили в мире и согласии до конца своих дней. Бильбо, их единственный сын, взял от папаши солидность и основательность Бэггинсов, но где-то в самой глубине его природы все же таилась до поры до времени некая странность, которая досталась ему в наследство от Туков. Впрочем, лет

до пятидесяти Бильбо жил себе поживал, как мы уже сообщали, в доставшейся ему от родителей роскошной норе и о другой жизни не помышлял.

Все началось одним тихим, сонным утром, какие нередко выпадали в те годы, когда в мире были тишь да благодать, все вокруг цвело и зеленело, а народ хоббитов благоденствовал. Бильбо Бэггинс после сытного завтрака сидел в удобном кресле на пороге своей норы. Он привычно покуривал деревянную трубку, такую длинную, что она покоилась на коленях его мохнатых, но аккуратно причесанных ног. И надо же было случиться такому, что как раз в этот момент мимо проходил Гэндальф.

Гэндальф! Если бы вы слышали о нем хоть малость из того, чего наслышался я, а я, между прочим, и сам знаю всего лишь малую толику, то вы поверили бы в любую невероятную историю. А необыкновенные истории и необычайные приключения случались всюду, где бы он ни появлялся. Уже много лет, с тех самых пор как умер его давний друг Старый Тук, Гэндальф не наведывался в эти края, не бывал ни У Холма, ни За Рекой. Неудивительно, что нынешние взрослые хоббиты, которые в те далекие времена были малышами-хоббитами, успели позабыть, каков он с виду.

Потому и для Бильбо в то утро Гэндальф был всего-навсего согбенным старцем в высокой островерхой синей шляпе, в просторном сером плаще и серебряном шарфе, из-под которого выпрастывалась длинная, почти до пояса, седая борода. Старец опирался на посох и медленно передвигал ноги в тяжелых черных башмаках.

– Доброе утро! – вежливо поздоровался Бильбо.

Впрочем, оно и впрямь было добрым. Светило солнышко. Травка зеленела.

Но Гэндальф взглянул на Бильбо из-под густых кустистых бровей, которых не скрывали даже большие поля шляпы, и сурово спросил:

– Что ты хотел сказать, сказав «доброе утро»? Просто пожелал мне доброго утра? Или же считаешь, что оно и для меня доброе, хотя я и словом об этом не обмолвился? Или тебе оно кажется добрым? Или, наконец, ты сам добрый этим утром?

– Все вместе, – растерянно пролепетал Бильбо. – И еще оно доброе для того, чтобы выкурить трубочку доброго табака на свежем воздухе. Если и у тебя есть трубка, присаживайся и покурим вместе. Торопиться некуда, день длинный.

Бильбо откинулся на спинку кресла, затянулся и выпустил аккуратное колечко серебристого дыма, которое поплыло по воздуху и скрылось за Холмом.

– Здорово, – хмыкнул Гэндальф. – Но сегодня в это, как ты говоришь, доброе утро у меня нет времени пускать колечки. Я ищу храбреца, который не прочь составить мне компанию в одном приключении, какое нынче я затеваю. Правда, сыскать такого трудновато.

– Уж это точно... А в наших-то местах и подавно! Мы народ тихий, в приключениях никакого проку не видим. От них только беспокойство, неприятности, путаница да неразбериха. И обед прозевать недолго! В толк не возьму, кому они нужны, эти приключения? – Бильбо Бэггинс оттянул большими пальцами подтяжки, громко ими щелкнул и ловко выпустил еще одно колечко дыма, побольше первого. Затем развернул утреннюю газету и углубился в чтение, давая понять старику, что тот его больше не интересует. Этот старец с его затеями хоббиту совсем не понравился, и стоило поскорее от него отделаться.

Однако старик и не думал уходить. Он стоял, опираясь на свою палку, и молча сверлил хоббита пристальным взглядом, от которого Бильбо вскоре стало совсем неуютно. Это ему очень не понравилось, и он наконец не выдержал.

– Утро доброе! – отчеканил Бильбо. – Прошу простить, но нам здесь никаких приключений не требуется. Поищите глупцов... то есть храбрецов где-нибудь За Холмом или За Рекой. – И он отвернулся, желая этим показать, что разговор окончен.

– Ого! Как же много ты умеешь сказать всего двумя словами! – усмехнулся Гэндальф. – На этот раз твое «доброе утро» означает, что мне пора убираться, иначе оно перестанет быть добрым.

– О нет-нет, уважаемый... э-ээ... не знаю, как вас по имени...

– А мне известно твое имя, мистер Бильбо Бэггинс. И ты знаешь, как меня зовут, хотя и не подозреваешь, что зовут так именно меня. Я – Гэндальф, и это имя принадлежит мне и только мне. Нечего сказать, дожил ты, старина Гэндальф! Сын Белладонны Тук небрежно кидает тебе пару слов, будто пару монет назойливому торговцу мелким товаром.

– Гэндальф, Гэндальф! Силы небесные! Это ты! Тот самый странствующий волшебник, который подарил Старому Туку волшебные алмазные запонки: они по велению хозяина сами застегивались и расстегивались. Тот, кто воскресными вечерами рассказывал нам удивительные истории о драконах, о гоблинах, о великанах, о спасенных принцессах, о вдовьих сыновьях, поймавших удачу! Тот, кто устраивал восхитительные фейерверки накануне праздника Летнего Солнцеворота! Ух и здорово это было! В небе вырастали гигантские огненные лилии, распускался львиный зев или еще какой цветок... Они цвели и полыхали до самой темноты! – Бильбо Бэггинс уже не притворялся равнодушным. Его восторженные глаза горели отблеском тех давних небесных цветов. – Силы земные! – продолжал удивляться он. – Неужто передо мной тот самый Гэндальф, по единственному слову которого доселе тихие и незаметные юноши и девушки вдруг срывались с места и отправлялись за тридевять земель в поисках приключений? Они совершали самые безумные поступки – влезали на деревья, забредали во

владения эльфов, уплывали на кораблях к неведомым берегам! Было необыкновенно интересно... но... ну, я хотел сказать, необыкновенные дела ты умел творить когда-то. Прошу прощения, но я думал, что ты того... то есть отошел от дел или занялся другими делами.

– Но других дел у меня и нету, – пожал плечами волшебник. – Во всяком случае, меня радует, что ты еще не все позабыл. Помнишь мои фейерверки. Значит, ты небезнадежен. И в память о твоём дедушке Старом Туке и ради бедняжки Белладонны я, пожалуй, дам тебе то, о чем просишь.

– Прошу прощения, но я ни о чем не просил!

– Вот и второй раз! Просишь прощения. Даю тебе его. Мало того, я устрою тебе настоящее приключение. Мне это будет интересно, а тебе принесет удачу... если все кончится удачно.

– Но я не просил никаких приключений, прошу прощ... Проще говоря, ни к чему мне это. Благодарю покорно. Как-нибудь в другой раз. Утречко доброе! Не желаете ли заглянуть на чашку чая? Сейчас... Или лучше завтра? Тогда до завтра! До свидания! – С этими словами хоббит повернулся, нырнул в круглую зеленую дверь и быстро захлопнул ее, но не так резко, чтобы не показаться грубым. Все-таки волшебник – это вам не какой-нибудь торговец мелким товаром, а волшебник.

– И с чего это я пригласил его на чай? – недоуменно вопрошал Бильбо сам себя, направляясь в кладовку. Он только что позавтракал, но после таких волнений не мешало подкрепиться парой-другой коржиков и глотком чего-нибудь прохладительного.

А Гэндальф все стоял снаружи и тихо посмеивался. Потом шагнул к норе хоббита и на гладкой зеленой двери начертал острием посоха какой-то странный знак, после чего зашагал прочь. Это произошло как раз в тот момент, когда Бильбо приканчивал второй коржик и радовался, что так ловко увильнул от приключений.

На следующий день Бильбо почти позабыл о Гэндальфе. Память у него и впрямь была никудышной, и приходилось кое-что записывать в памятной книжке. К примеру: «Гэндальф. Среда. Чай». Но вчера он так переволновался, что забыл все начисто.

Только Бильбо собрался попить чаю, как громко звякнул дверной колокольчик. Тут он все и вспомнил! Как угорелый понесся хоббит на кухню, поставил на плиту чайник, вытащил еще одну чашку с блюдцем, парочку коржиков и кинулся к двери.

– Прошу прощения, что заставил ждать, – собирался уже сказать он, надеясь увидеть Гэндальфа. Но перед ним стоял не волшебник, а гном с голубой бородой, заткнутой за золотой пояс, и горящим взглядом из-под темно-зеленого капюшона. Едва дверь отворилась, гном протиснулся внутрь, будто только его и ждали.

Он отстегнул капюшон, повесил его на крючок и с низким, чуть ли не до полу поклоном произнес:

– Двалин. К вашим услугам.

– Бильбо Бэггинс. Взаимно! – пробормотал ошарашенный хоббит. Вопросов он не задавал и, само собой, не получил никакого ответа. Молчание затягивалось и, чтобы хоть что-то сказать, Бильбо ляпнул: – Я как раз собирался выпить чаю. Не составите ли мне компанию? – Это прозвучало несколько чопорно и сухо, но ведь хоббит изо всех сил старался быть приветливым. Интересно, что сказали бы вы, если бы к вам без спросу и приглашения ввалился гном да еще скинул плащ, будто у себя дома?

Совсем скоро, не успели они приняться и за третий коржик, снова грянул дверной колокольчик.

– Прошу прощения, – извинился перед гостем хоббит и направился к двери.

«Ну наконец-то!» – намеревался он сказать припоздавшему Гэндальфу. Но это опять был не Гэндальф. Вместо волшебника на пороге стоял совсем старый гном с белой бородой

и в красном плаще с капюшоном. Он, как и первый, едва приоткрылась дверь, бесцеремонно шмыгнул в переднюю.

– Ага, наши помаленьку собираются! – сказал гном, заметив зеленый капюшон Двалина. Он повесил рядышком свой красный и, приложив руку к груди, представился:

– Балин. К вашим услугам!

– Спасибо, – невпопад ответил Бильбо. Но его так поразило это «наши собираются», что он уж и сам не знал, что говорит. Гостей-то Бильбо любил, но только званых или, на худой конец, просто знакомых. И вдруг ему в голову ударила ужасная мысль о коржиках. Он, как гостеприимный хозяин, должен будет выложить все до единого, а самому ничего не останется!

– Прошу. Вы как раз успели к чаю, – с трудом выдавил он и тяжело вздохнул.

– Я бы предпочел кружечку пивка, если не возражаете, – сказал седобородый Балин. – Но не откажусь от коржика с тмином, коли у вас таковой найдется.

– Да сколько угодно! – И не переставая удивляться своей неожиданной щедрости, Бильбо уже мчался в погреб, чтобы нацедить кружечку пива, а потом – в кладовку за двумя отличными коржиками, которые он испек накануне и собирался съесть на ужин.

Когда он вернулся, Балин и Двалин уже как ни в чем не бывало сидели за столом и без умолку болтали по-дружески, а вернее, по-братски, ибо и на самом деле были братьями. Едва Бильбо успел поставить на стол угощение, как вновь блямкнул колокольчик. Раз и еще раз.

«Теперь-то уж точно Гэндальф!» – подумал Бильбо, поспешая к двери. Но он снова ошибся. Перед ним стояли два желтобородых гнома в синих плащах, перетянутых серебряными поясами. У каждого из них висела на плече сумка с инструментами, а в руках они держали кирки. Бильбо теперь уже не удивился, когда гномы без приглашения прошмыгнули в дверь, едва она приотворилась.

– Чем могу быть полезен, уважаемые гномы? – вежливо спросил хоббит.

– Кили. К вашим услугам, – сказал первый.

– И Фили. Наше вам! – добавил другой.

Они повесили капюшоны и коротко поклонились.

– Готов служить вам и всей вашей родне, – вспомнил наконец Бильбо правила приличия.
– Эге, Двалин и Балин уже здесь, – обрадовался Кили. – И мы тут как тут. Считаю, нашего полку прибыло.

«Полк! – с ужасом стал подсчитывать Бильбо. – Что же будет, если они все соберутся? Э, дружище, соберись-ка с мыслями, хлебни чайку и успокойся».

Он скромно примостился в уголке, а четверо гномов расселись вокруг стола и принялись толковать о золотых копях, о злодеях-гоблинах, о грабителях-драконах и о многом таком, чего он знать не знал, да и знать не желал, потому что все это попахивало приключениями. Только-только Бильбо сделал успокоительный глоток чаю, как... Динь! Динь! Динь! Динь! – заметался дверной колокольчик, будто его пытался оторвать какой-то озорник.

– Еще один гость, – пролепетал Бильбо.

– Судя по звону, их четверо, – сообразил Фили. – Точно, четверо! Я видел, они шли за нами.

Бедняжка хоббит схватился за голову. Что происходит? Чего ждать и кого еще ждать? Вдруг они всем полком останутся на ужин? А колокольчик тем временем неистовствовал. Пришлось нестись к двери. Их оказалось не четверо, а ПЯТЕРО! Едва Бильбо успел повернуть ручку, как они уже один за другим просочились внутрь и, кланяясь, быстро лопотали «к вашим услугам, к вашим услугам, к вашим услугам, к вашим услугам, к вашим услугам!». Дори. Нори. Ори. Ойн. Глойн. Ну и имена! Не успел хоббит и глазом моргнуть, как два пурпурных, серый, коричневый и белый капюшоны уже висели на крючках, а гномы строем шествовали в гостиную, поблескивая золотыми и серебряными поясами и широко размахивая руками. Здесь и впрямь уже толпился и шумел чуть ли не целый полк! Кто-то требовал пивка посветлее, кому-то по вкусу было только темное, этот желал кофе, а всем вместе подавай коржиков. Хоббит с ног сбился.

На плите, не смолкая, фырчал и кипел огромный кофейник. Коржики с тмином поглощались в минуту. Гномы уже принялись за ячменные лепешки, густо намазанные маслом, когда раздался... не звонок, а громкий стук. Грохотанье, сотрясавшее чистенькую зеленую дверь хоббита. Кто-то молотил в нее палкой!

Бильбо как угорелый понесся по коридору. Задерганный, сбитый с толку, он уже ничего не соображал. Такой безумной среды ему и не припомнить. Хоббит в сердцах рывком распахнул дверь, и они, как солдатики, попадали один на другого. Еще четверо гномов! А позади них, опершись на посох, стоял улыбавшийся Гэндальф. Он так исполосовал дверь своей палкой, что исчезла даже тайная метка, которую волшебник нацарапал вчера утром.

– Поосторожнее, Бильбо, поосторожнее! – сказал Гэндальф. – Не ожидал я от тебя такого. Сначала заставляешь друзей ждать за дверью, а потом дергаешь ее так, будто хочешь сорвать с петель. Впрочем, позволь тебе представить Бифура, Бофура, Бомбура и в особенности Торина!

– К вашим услугам! – хором сказали Бифур, Бофур и Бомбур, выстроившись в затылок друг другу. Потом они один за другим, как по команде, отстегнули и повесили на крючки рядом два желтых капюшона, один бледно-зеленый и особо – небесно-голубой с длинной серебряной кисточкой. Конечно же особенный тот капюшон принадлежал Торину. Этот почтенный гном был не кто иной, как сам великий Торин Оукеншильд. Можете представить, как он был раздосадован, когда, только переступив порог, тут же оказался на половичке для ног под грудой попадавших на него Бифура, Бофура и Бомбура. А толстяк Бомбур, между прочим, и один мог придавить кого угодно. Высокомерный Торин был оскорблен до глубины души. Не то что вежливого «к вашим услугам», но и доброго слова не дождался бы от него Бильбо, если бы не осыпал гостя тысячей извинений и сожалений. Наконец Торин смилостивился и небрежно бросил: «Достаточно, любезный», при этом нахмурившись и важно оттопырив губу.

Гэндальф окинул быстрым взглядом все тринадцать гномьих капюшонов, висевших в ряд на крючках рядом с его шляпой, и весело проговорил:

– Ну вот все и собрались! Неплохая компания подобралась. Надеюсь, и для нас осталось что-нибудь поесть-попить? Что? Чай! Э нет, благодарим покорно. Мне бы красного вина.

– И мне, – сказал Торин.

– А мне вареньица. Малинового. И яблочный пирог, – вставил Бифур.

– А еще сладких пирожков и сыра, – поспешил добавить Бофур.

– Пирог с поросятинкой и салат, – облизнулся Бомбур.

– И коржиков... и пивка... и кофе! – закричали остальные гномы.

– И не забудь добавить дюжину яиц, дружище! – прокричал Гэндальф вдогонку хоббиту, покорно потащившемуся в кладовку. – Прихвати заодно копченую курочку и маринованных огурчиков!

– Кажется, он получше меня знает, что припасено в доме! – растерянно бормотал Бильбо. Он уже почти не сомневался, что его втравливают в самое настоящее приключение. Хоббит совсем упарился и взмок, наваливая на большие подносы бутылки, банки, ножи, вилки, стаканы, тарелки, ложки, гору всевозможной еды.

– Чтоб им лопнуть, этим ненасытным гномам! – ворчал он. – Расселись, бездельники! Нет чтобы помочь... – Бильбо осекся, увидев теснящихся в дверях кладовки Балина, Двалина, Фили и Кили. Не успел он и ахнуть, как они подхватили подносы, приволокли в гостиную пару столиков и в мгновение ока устали их едой и питьем.

Гэндальф восседал во главе стола, а остальные тринадцать гномов теснились вокруг него. Бильбо примостился на табуретке у камелька. Аппетит у него совсем пропал, и он хмуро грыз черствый коржик. Бедняга пытался убедить себя, что ничего особенного не происходит и никакое приключение ему не грозит. А гномы пили, ели, грызли, жевали и болтали без умолку, будто только за этим и пожаловали. Наконец они насытились и отвалились от стола. Бильбо кинулся убирать пустые тарелки и опустошенные бутылки.

– Надеюсь, останетесь на ужин? – спросил он, надеясь, что они откажутся.

– Само собой! – откликнулся Торин. – И после ужина побудем. Мы здесь надолго. А пока суд да дело, попоем-попляшем. А ну, ребята, за уборку!

Сам Торин с места не сдвинулся и продолжал солидно толковать с Гэндальфом. Зато остальные двенадцать гномов мигом сгребли со столов посуду. Составив тарелки стопкой, увенчав эту горку бутылкой и балансируя свободной рукой, будто цирковые жонглеры, гномы вереницей потянулись на кухню. Хоббит семенил за ними, вскрикивая от ужаса.

– Пожалуйста, осторожнее! Не беспокойтесь, пожалуйста! Я сам справлюсь! – причитал он.

Гномы будто и не слышали. Они весело запели:

*Бейте стаканы! Грохайте блюдца!
Ложки ломайте! Гните ножи!
Чайные чашки здорово бьются!
Об пол тарелки! Кроши и круши!
Соус разлейте! Ковров не жалеите!
Всё кувырком и вверх дном!
Пол черепками, костями усеите!
Ну-ка, об стену – бутылки с вином!
Скатерти рвите! В клочья салфетки!
Вилки втыкайте в стулья и в стол!*

*Под одеяло пихайте объедки!
Под простыню – закопченный котел!
Скажет спасибо гному любому
Бильбо за помощь такую по дому.*

На самом-то деле все было наоборот. Пока Бильбо суетился и совался под руку, гномы, напевая свою ужасную песню, ловко и быстро перемыли посуду и аккуратно расставили все по местам. Потом они всей толпой вернулись в гостиную, где Торин, закинув ноги на каминную решетку, невозмутимо покуривал трубочку. Он выпускал небывалые дымные кольца, чуть ли не с тележное колесо, и направлял их то вверх к дымоходу, то нахлобучивал на часы над камином, то катил под стол, а то и просто давал им свободно плыть к потолку. А Гэндальф, часто попыхивая своей короткой глиняной трубочкой – пых-пых-пых! – пускал колечки поменьше, и они, кружась, настигали дымные кольца Торина. Проскочив сквозь кольцо гнома и покружив по комнате, колечки волшебника послушно возвращались к нему и повисали над головой зелеными венчиками. Вскоре над Гэндальфом скопилось столько дымных колец, что они окутывали его мерцающим облаком. В колдовском свете вечерних сумерек под невесомой шапкой дыма Гэндальф выглядел таинственным и всемогущим. Бильбо стоял и замороженно наблюдал за волшебным кружением дымных колец. Он припомнил, как еще утром гордился тем, что ветер относит выпущенные им жалкие колечки За Холм, и, покраснев, почувствовал себя мелким хвастунишкой.

– А теперь сыграем что-нибудь! – сказал Торин. – Эй, тащите свои инструменты!

Кили и Фили кинулись к своим сумкам и вынули оттуда крохотные скрипочки. Дори, Нори и Ори неожиданно извлекли из-под плащей флейты. Бомбур приволок из прихожей барабан. В руках у Бифура и Бофура возникли кларнеты, которые, оказывается, лежали вместе с посохами.

– А мы оставили свои инструменты на крыльце! – в один голос заявили Балин и Двалин.

– Прихватите заодно и мой! – крикнул им вслед Торин.

Вскоре гномы вернулись. У каждого была виола ростом с него. Вдобавок они принесли изящную золотую арфу Торина, заботливо укутанную зеленой тряпичей. Стоило Торину коснуться струн, как полилась такая нежная и сладостная мелодия, что Бильбо тут же позабыл обо всем на свете и поплыл по волнам музыки далеко-далеко от хоббичьей его норки, За Реку, За Холм, в неведомые земли, где в небе сияло сразу несколько лун.

Вечерние сумерки занавесили маленькое окошко, скрыв и склоны, и вершину Холма. Заплясали вдали крохотные огоньки апрельских светлячков. Гномы играли и играли, а тень бороды Гэндальфа скользила в медленном танце по стене.

И тьма затопила гостиную. И огонь в камине погас. И тени растаяли. А гномы все играли и играли. Внезапно один из них затянул песню. Тут же ее подхватил другой, третий... И вот уже музыка сплетается со звуками многоголосого пения. Песня, пришедшая из глубин земли, из древних, тайных жилищ, из гномьих преданий, заполнила дом Бильбо. До нас дошел лишь кусочек, отрывок этой бесконечной песни, в словах которой только чуткое ухо может угадать протяжную мелодию. Слушайте:

*В тумане растаяли дальние горы.
Молчанье во мраке пещеры хранят.
Закончим до ночи походные сборы
И выйдем искать заколдованный клад.
Гулы подземные небу знакомы –
Звон колокольный и дробь молотков.
Злато ковали без устали гномы,
На клад наложили заклетье веков.
Древние тайные эти владенья
Были открыты эльфам лесным.
Эльфы искусно гранили каменья
И наполняли их светом дневным.
Звезды ночные сияли в коронах.
В драконьем огне закалялись мечи.
Скользили сквозь кольца в кольчугах сплетенных
Лунные тени и солнца лучи.
В тумане растаяли дальние горы.
Молчанье во мраке пещеры хранят.
Закончим до ночи походные сборы,
Выйдем искать нам завещанный клад.
Арфы умолкли, и в мире подлунном
Эльфов напевы давно не слышны.
Рука не скользит по серебряным струнам.
Никто не тревожит лесной тишины.
Но бури и ветры стонали когда-то,
И в тучах тонули дневные лучи.
Огонь по деревьям метался крылато.
Как факелы, сосны пылали в ночи.
Дол оглашался набатным трезвоном.
Дышала тревогой кромешная тьма.
Пламя ревело свирепым драконом.
Рушились башни, пылали дома.*

